

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

В ОЖИДАНИИ ЧЕТВЕРТОГО СРОКА

Российский политический режим
за год до выборов

Андрей Колесников

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

В ОЖИДАНИИ ЧЕТВЕРТОГО СРОКА

**Российский политический режим
за год до выборов**

Андрей Колесников

Данное издание подготовлено Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке, иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., д. 16 стр. 1
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

Содержание

Об авторе	v
Краткое содержание	1
Введение	3
Отсутствие динамизма — не риск, а достоинство	3
Два тела короля, или Почему популярен Путин?	4
Ушел на базу. Социальную	8
Менять или не менять	11
Капитализм охранников	13
Путин: 2018–2024	17
Примечания	21
Московский Центр Карнеги	25

Об авторе

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета.Ru», член правления Фонда Егора Гайдара.

Краткое содержание

Выборы 2018 года при всей предсказуемости их результата — продление президентских полномочий Владимира Путина — все же предполагают интригу: каким станет очередной срок политика, который де-факто правит Россией с 1999 года?

Основные задачи исследования

- Квалифицировать природу политического режима, сложившегося к 2017 году.
- Оценить базовые риски режима после 2018 года.

Основные выводы

- Отсутствие динамизма в политической системе истеблишмент считает ее достоинством, а не риском.
- Природу режима логичнее описывать не в терминах политической науки, а в терминах политической теологии: граждане России поддерживают не «первое тело короля» — живого человека, а «второе, политическое тело короля» — символ России, воплощенный в бренде «Путин». Пресловутый 80-процентный рейтинг Владимира Путина — это, по сути дела, одобрение сакрализованного образа России.
- В массовом сознании Путин — это «царь» или генеральный секретарь. На сколько бы пунктов ни уменьшился ВВП и как бы ни упали реальные доходы населения, это не сможет пошатнуть власть первого лица до тех пор, пока большинство не решит, что «царь ненастоящий». Пока что президент в рамках социального контракта «Вы нам лояльность и невовлечение в политику, а мы вам Крым, величие державы и „тысячелетнюю историю“» доказывает, что он «настоящий».
- Режим эволюционировал от попыток авторитарной модернизации к модели русского неоимпериализма и государственного капитализма (70 % вклада государства и госкомпаний в ВВП).
- Россия — это своего рода «фиктивное государство»: оно не может предоставить гражданам качественные сервисы, его сильная сторона — ритуалы, «оборонительные» войны и символические победы.

- Система управления сводится к инерционному «развитию», пока без расширения ареала насилия, с применением точечных репрессий в сочетании с пропагандой/цензурой/самоцензурой.
- Режим не готов к переменам: страх перед последствиями возможных реформ сильнее страха перед последствиями продолжающейся стагнации.
- Перед нами модель «плохого равновесия» из теории игр — ни одна из социальных и политических групп не готова что-либо предпринять, опасаясь ухудшения своего положения.
- К 2017 году режим эволюционировал от «капитализма друзей» (cronies) к «капитализму охранников» — наиболее эффективными чиновниками считаются выходцы из силовых ведомств и технократических департаментов бюрократии, сравнительно молодые люди около 50 лет, которые не могут сказать Путину «ты». Они и будут участвовать в гонке за ключевые посты в 2018–2024 годах.
- Сами выборы-2018 превращаются в своего рода референдум о доверии Путину, который не нуждается ни в какой интриге и ни в какой реальной конкуренции; проблема явки будет решаться так же, как на парламентских выборах 2016-го, — за счет нагнетания результатов на отдаленных от Москвы территориях и на Северном Кавказе и с пропагандистским использованием ссылок на «опыт» низкой явки в западных странах.
- Режим ожидает «ловушка-2021» — это не только год окончания очередной каденции парламента, что означает необходимость «пересоздания» партийной системы при эрозии всех партий, имитирующих оппозицию, и существующей модели «партии власти», но и время, когда президент должен будет послать элитам сигнал о том, как будет работать механизм преемственности. Кроме того, к этому моменту, если не начнутся реформы, станет ощущаться «институциональное проклятие» — страну ждет как минимум деградация социальных систем и отраслей человеческого капитала, госуправления, а также проявят себя негативные демографические тенденции. Инерционная модель «развития» будет переживать кризис.

Введение

Лейтмотив политического года — ожидание президентских выборов, которые состоятся в марте 2018-го. А по сути — формально четвертого срока Владимира Путина (неформально пятого, поскольку пауза 2008–2012 годов оказалась технологичным способом продлить правление второго президента России). В этом ожидании одновременно прочитываются и безразличная инерция, и желание перемен. С одной стороны, политическая конструкция, назовем ли мы ее авторитарной, персоналистской или какой-нибудь еще, остается прежней — мелкие и даже крупные кадровые перемены, противоречивые намеки и сигналы, которые исходят из Кремля, со Старой площади, с Краснопресненской набережной, с Охотного Ряда, по большому счету ничего не меняют. С другой стороны, просто сама по себе смена политического цикла, который в России четко маркируется именно президентскими, а не малозначащими парламентскими выборами, провоцирует вопрос: будут ли перемены, а если будут, то какие?

Отсутствие динамизма — не риск, а достоинство

Точно не будет смены фамилии президента. Авторитарный вектор никто поворачивать в сторону расширения пространства свободы не собирается: это невозможно ни технически, ни политически (в том числе и из-за популярности авторитарно-изоляционистского дискурса), ни идеологически (империализм, национализм, милитаризм, изоляционизм, политическое православие¹ лежат в основе сегодняшнего социального контракта власти и общества). А вот дальше начинаются детали. И их конкретное содержание во многом зависит от того, какие риски видит для себя власть и видит ли она их вообще.

Если власть (а под ней мы здесь понимаем само первое лицо и несколько «ближних» кругов, хотя бы в какой-то степени влияющих в этой вертикализированной системе на принятие решений) ощущает себя стоящей на вершине горы и оценивает себя как нечто почти совершенное, ей не надо ничего бояться и даже ничего планировать в стратегическом смысле. Как заметил в частном разговоре один аналитик, «у совершенства нет будущего». И значит, ему не нужна стратегия. Если власть, озабоченная тем, как ей сохраниться в ближайшие годы, вдруг решит, что хотя бы ради выживания надо что-то изменить в системе, — тогда она может начать планировать реформы большего или меньшего масштаба.

Пока мы можем констатировать ситуацию неопределенности: власть не настолько напугана экономическим кризисом и ухудшением социального самочувствия россиян, чтобы начать реформы (которые, по общему мнению, должны почему-то оказаться обязательно «болезненными» и «непопулярными»). Достаточно точечных репрессий и перманентного пропагандистского цунами, чтобы держать общество в состоянии апатичной поддержки всего, что делает политическое руководство страны.

Однако если алармистски настроенные эксперты предложат что-то гиперрациональное, но при этом не затрагивающее самих основ системы, можно и скорректировать отдельные недостатки — причем не только в экономике, но и, например, в системе государственного управления. Какая власть будет против того, чтобы ее команды исполнялись буквально? Так, может быть, даже удобнее контролировать общество. Какая власть против технологического развития? В конце концов, технологический прогресс позволяет более эффективно следить за гражданами и их частной жизнью.

А вот настоящего спроса на реформы ради развития нет. Потому что в этом случае придется согласиться с расширением свободы общества. А на это наша гибридная автократия пойти не может. Потому что угрозу она видит не в застое и инерционном развитии, а именно в любых преобразованиях и коррекциях системы. Если модель популистского авторитаризма оправдала себя — зачем ее менять? В этой ситуации не работает принцип Танкреди Фальконери, героя Алена Делона в «Леопарде» Лукино Висконти: «Чтобы все осталось как есть, нужно, чтобы все изменилось».

Отсутствие изменений или просто динамизма в системе воспринимается как ее достоинство, а не как риск.

Два тела короля, или Почему популярен Путин?

«Путин» — это марка, бренд, а не человек. Как Armani или Gucci. Бренд, синонимичный понятиям «Россия» и «присоединение Крыма». Вопрос социологов «Одобряете ли вы деятельность Путина?» семантически можно расшифровать так: «Одобряете ли вы нашу матушку-Россию, лучшую в мире страну, самую нравственную и воцерковленную, все время вынужденную защищаться от супостатов, иноверцев, чужаков?» Почему в этой ситуации 80-процентный ответ «да» должен казаться удивительным?

Оценивать режим Путина в терминах классической политической науки, безусловно, можно, как и рассуждать о том, гибридный это авторитаризм или дистиллированный и как вообще эту систему правления называть². Но этот режим нельзя назвать современным: он эволюционировал от государственного социализма к государственному капитализму, не по-

теряя при этом акцента на слове «государственный» (по сути дела, речь идет о коммерциализированной советской власти, поставившей на место марксизма-ленинизма эклектичную идеологию восстанавливающейся великой державы). Несовременно и восприятие самого первого лица — характерны попытки еще в 2007 году наделить его внеконституционным титулом «национальный лидер»³. Истеблишмент и существенная часть населения видят в Путине царя — или, еще точнее, генерального секретаря (эти модели в массовом восприятии схожи).

Власть в России в высокой степени сакрализована — от нее не ждут (или не всегда ждут) починки протекшей крыши, она — источник жестов вроде присоединения Крыма. И на самом деле популярность российского президента, который уже почти 18 лет находится у власти (если отсчитывать от момента назначения его премьер-министром в 1999 году), следовало бы описывать в терминах политической теологии.

Средневековая доктрина «двух тел короля» наилучшим образом объясняет феномен восприятия первого лица российской государственной иерархии. Согласно этой концепции у короля два тела — физическое и политическое. Именно вторая ипостась воплощает в себе государственную власть. Когда околоремлевские персонажи говорили: «Путин женат на России»⁴, они даже не предполагали, что повторяют зады средневековой политической теологии: «Государь соединяется с государством, как с супругой»⁵.

Это тот тип власти, в котором нормальными и юридически оправданными считаются, например, действия, которые много веков назад совершались в рамках *bellum iustum* — «справедливой войны»⁶: «...в случае опасности император имеет право вводить новые подати для защиты *patría*»⁷.

Установка современных российских идеологов — «Путин — это Россия, Россия — это Путин, соответственно, тот, кто выступает против Путина, выступает против России»⁸ — оказывается абсолютно средневековой по форме и содержанию: «Мир короля — это ваш мир, благополучие короля — это ваше благополучие... Тот, кто ведет войну против короля [Франции], сражается против всей церкви, против католического учения, против святости и справедливости и против Святой земли»⁹.

Еще один принцип — *Rex est populus*, «Король есть народ». Волю народа символически воплощает король. И даже если короля казнят — то есть уничтожают его физическое тело, — на смену ему приходит новый монарх, и политическое тело короля сохраняется, его нельзя уничтожить. Впрочем, приходит время иного типа правления, лозунг «Король умер, да здравствует король!» сменяется слоганом «Король умер, да здравствует республика!». И тогда роль политического тела начинает играть

Власть в России в высокой степени сакрализована, она — источник жестов вроде присоединения Крыма.

парламент. После Великой французской революции появляется «новое двойное тело (т. е. народ и его парламентский образ)»¹⁰. Народ должен быть представлен в парламенте. И если он там не представлен, он видит воплощение политической власти в короле. В нашем, российском случае — в президенте.

Более чем 80 процентов населения, одобряющие деятельность президента, всего лишь признают, что Россия идентична второму, политическому телу короля.

Несмотря на то что мы привыкли оценивать власть российского главы государства как авторитарную и персоналистскую¹¹, она имеет прежде всего символическое значение. А вот что касается власти в целом, то отношение к ней более сложное. С одной стороны, респонденты «Левада-центра» оценивают власть как «сильную и прочную», показатели представлений о ней как о коррумпированной и криминальной в последние годы снизились, с другой стороны, граждане считают, что «руководство» не учитывает интересы народа и печется только о себе¹².

Таблица 1. Какое из следующих высказываний о руководстве страны ближе всего к вашей точке зрения?

	Июль 1998	Декабрь 2007	Май 2014	Май 2015	Ноябрь 2016
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	45	60	54	55	58
Руководство — это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	29	26	25	26	27
Наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у нас с вами	15	8	11	9	10
Затруднились ответить	11	6	11	10	6

Примечание: Опрос проведен 18–21 ноября 2016 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны. Исследование проводится на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов.

Источник: «Левада-центр».

Мы имеем дело со своего рода «фиктивным государством»¹³. Это государство внешне очень мощное: оно бомбит Сирию, берет Пальмиру и Алеппо; здесь громыхают оборона, война, язык ненависти; выходят на авансцену Церковь, Армия и ФСБ; сквозь ленту новостей просвечивает великая история царей и генсеков, насилия и побед. Вся эта внешняя атрибутика закрепляется объединительными ритуалами, концертами, парадами.

Но у этого мощного государства, у этого эха, мечущегося между мавзолеем, ГУМом и кремлевской стеной, у этого напряженно дрожащего воздуха перед самым началом парада в честь очередной годовщины победы в Великой Отечественной есть и другая сторона. Это государство не может предоставить нормально работающие элементарные сервисы. Оно справляется с функцией насилия для самозащиты от своих же граждан, но не может обеспечить ресурсами отрасли человеческого капитала, здравоохранение и образование. Его институты — от парламентов до НКО — имитационны. Человеку это государство помочь может далеко не всегда, зато способно ему противостоять — и политически, и даже в бытовых ситуациях, когда обычный гражданин вступает в контакт с государственными органами и службами. И средний россиянин, гордящийся «Крымомнашим» и вторым телом короля, одновременно в своей повседневной жизни не желает иметь дела с государством, стремится минимизировать контакты с ним и обманывает его так же, как и оно его.

Удивительным образом на символическое, окутанное ритуалами кремлевского величия политическое тело работает и природное тело президента. Оно, как кажется на первый взгляд, не сакрализовано — хотя бы потому, что президент России не без удовольствия и часами общается с разными аудиториями. Нельзя сказать, что он доступен, — между ним и гражданами лежит зачищенное сотрудниками ФСО пустое пространство. Но сама его манера разговора вполне простонародная. Язык — с самого начала правления, после знаменитой фразы «Мочить в сортире», сломавшей все стереотипы политического дискурса, — жесткий, ироничный, почти обценный.

Власть говорит на языке улицы, идентифицируя себя с «простым народом». И казалось бы, тем самым она должна десакрализоваться, перестать быть волшебной, расколдоваться. Но такого сорта «уличный» популизм не десакрализирует второе, политическое тело президента. Его символическое значение хранителя всего священного, всех «духовных скреп» не исчезает. Причем это не сугубо российский феномен, это в принципе свойство современной политики — раньше грубая лексика вызвала бы у избирателей в лучшем случае недоумение, сейчас это скорее конкурентное преимущество, что хорошо видно на примере Дональда Трампа. Лидер, который выглядит таким же, как все — средним россиянином или средним американцем, — не теряет своего сакрального политического тела. Во-первых, идол есть идол, политик он или эстрадный

певец, во-вторых, на пьедестал возводится и сакрализуется сама эта грубость — она становится не просто политическим инструментом, но и достоинством политика в глазах народа.

Это, конечно, разрушение языка политики. Но — языка старой политики. Новая политическая культура (или бескультурие) предполагает новый тип дискурса. Да, спрос на грубый разговор, достойный курилки районного управления ФСБ, существовал, но его надо было разбудить с самого верха. И тем самым дать разрешение на широкое использование. Как пишет Глеб Павловский, «российская пропаганда, о которой так много говорят, — это удовлетворение массового спроса на *hate vision*»¹⁴.

Попутно заметим, что, превратившись в символ власти, символ России, в политическое тело, Путин, возможно, заложил основы длительной неизменяемости режима — с ним и даже, быть может, без него. Примерно об этом рассуждает далее Глеб Павловский: «Путин оставит глубокий и многосторонний след в системе РФ, а значит, и в наследующем ей состоянии России. Он стал для многих людей эталоном отвлеченной высшей власти. Монопольно олицетворяя государство... Путин говорит с людьми только о тех проблемах, по которым готов предложить решение, а точнее — себя как защиту от их нерешаемости... Прекратившись как «путинский режим», система РФ сохранится как предпочитаемое поведение и как способ ставить и решать задачи»¹⁵.

Ушел на базу. Социальную

База поддержки Путина, в том числе электоральной, за долгие годы его правления естественным образом эволюционировала. Когда новый лидер только появился на политической сцене в 1999 году, он не был известен широкой публике, поэтому ожидания, которые с ним связывались, формулировались «от противного». Большинство ожидало, что он будет не таким, как Борис Ельцин, в том числе психологически и физически. За несколько месяцев Путин прошел испытательный срок у элит, которые были от него в восторге, и в конце 1999-го его рискнули «двинуть» в президенты. Было вполне очевидно, что по контрасту со стареющим и теряющим популярность Ельциным четкий, с отрывистой внятной речью, молодой, жесткий лидер прошел испытательный срок и у избирателей. Политтехнологическая машина показала, что может справиться с любой задачей: за несколько месяцев унылый бюрократ с невыразительной внешностью превратился в готовую форму для будущего политического идола.

Большинство, которое потом назовут «путинским», а затем «посткрымским», не было гомогенным ни по одному из критериев — политическому, социальному, психологическому. Путин нравился по контрасту с предыдущим лидером, и с ним связывали надежды на выход из состояния затянувшегося транзита из социализма в капитализм. У каждой из

социальных и политических групп были и собственные определенные ожидания. Либералы считали, что они «приватизировали» Путина, и потому надеялись, что он проведет авторитарную модернизацию, план которой они подготовили ему к 2000 году. Ничего такого не случилось. Прошло 17 лет, и все те же либералы готовят Путину аналогичный план, связывая с очередным его сроком надежды на все ту же авторитарную модернизацию.

Зато сам Путин и его позиция, эволюционировавшая от той самой идеи авторитарной модернизации к эклектичной идеологии русского неоимпериализма и госкапитализма, стали символом социального консенсуса. Источник которого — отнюдь не страстная поддержка идей и действий главы государства и его элит, а скорее безразличие.

Это очень серьезный момент, о нем стоит поговорить подробнее.

Природу такой нейтральной поддержки социального порядка, который кажется стабильным и неизменяемым, объяснил Эрнест Геллнер в работе «Условия свободы», изданной в 1994 году: «Люди скорее будут считать самих себя грешниками, чем обвинят общественный строй, в котором живут... Нам нравится принимать и одобрять нашу Вселенную»¹⁶. И далее: «Обычный человек... готов принять на веру убеждения, которые разделяют другие члены сообщества... При этом он не циник и не держит фигу в кармане — просто у него хватает других забот. Это удобная позиция, и она устраивает большинство людей. Поразительная легкость, с которой при изменении баланса власти целые народы меняют свои убеждения... говорит о том, что убеждения эти не так уж и глубоки. А легкость, с которой даже самые нелепые режимы и идеологии удерживают свою власть, свидетельствует о доверчивости людей, по крайней мере — об их недостаточной критичности»¹⁷. Словом, согласно классическому анализу Эриха Фромма, который был сделан уже почти 80 лет назад, легче бежать от свободы, чем пытаться справиться со сложностями, которые она порождает: «Став частью силы, которую человек считает неколебимой, вечной и прекрасной, он становится причастным к ее мощи и славе. Индивид целиком отрекается от себя, отказывается от силы и гордости своего „я“, от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить»¹⁸.

Это абсолютно нормальное, если не сказать рациональное, поведение. На него совершенно не должны влиять проценты падения ВВП или даже реальных располагаемых доходов, тем более что в России существует, несмотря на мощнейшие интервенции государства, рыночная экономика, которая поставяет любой товар и позволяет людям выживать, в том числе и за счет неформального сектора. Если угодно, Путин — это кар-

**База поддержки Путина, в том числе
электоральной, за годы его правления
естественным образом эволюционировала.**

тина мира. И обрушиться она может только тогда, когда, как замечает профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Дмитрий Травин, «в душу народную закрадывается представление, будто „царь ненастоящий“»¹⁹.

А Путин по-прежнему имеет на руках все доказательства того, что он — «настоящий царь»: Россия диктует правила всему остальному миру, и скоро большая часть этого мира позаимствует его стиль управления

страной — от США до Франции. И это для «царя» win-win-ситуация: станет США другом — это победа, не станет — концепция осажденной крепости позволит, как и прежде, консолидировать граждан вокруг президента.

Самая частая оценка Владимира Путина со стороны населения — «не могу сказать о нем ничего плохого».

И в то же время Путин — символ «плохого равновесия». Политической версии «равновесия Нэша», в теории игр определяющегося как «набор стратегий в игре для двух и более игроков, в котором ни один участник не может увеличить выигрыш, изменив свою стратегию, если другие участники своих стратегий не меняют»²⁰. Для политической системы это означает вот что: если «игроки» — это простые граждане, государственный истеблишмент, бизнес и политическое руководство страны, то получается, что всем им совершать резкие движения по отдельности (когда другие «игроки» двигаться не собираются) опасно. Например, такая знакомая ситуация: политическое руководство не собирается ничего радикального предпринимать, а тем временем часть граждан предъявляет спрос на изменения — то есть пытается нарушить равновесие. Тогда политическое руководство, заинтересованное в равновесии, подавит протест, сфальсифицирует выборы, отсечет от участия в любых процессах неугодные силы — лишь бы сохранить статус-кво. Большинство граждан, опасаясь ухудшения своего положения, предпочитает находиться в этом равновесном, пусть и «плохом», состоянии. Так же поступают и бизнес, и политический истеблишмент — никому не хочется потерять свои позиции, проявив избыточную инициативу. Вот все и остаются без движения, сохраняя «плохое равновесие» и тем самым оставаясь социальной базой режима. Хотя в такой ситуации эта база очень слабая и при изменении политического ветра может молниеносно исчезнуть.

Сравнения нынешнего политического положения с последними двумя десятилетиями советской власти не всегда корректны, но объединяет эти исторические периоды именно ситуация «плохого равновесия». И ключевой мотор, который его поддерживает, — равнодушие, погруженность в свои проблемы, недоверие граждан государству, а государства гражданам. Это не противоречит присутствию «социального клея» — возвращенного чувства почти имперского, милитаристского, исторически триумфального величия — и логике социального контракта, который может быть

сформулирован так: вы нам — лояльность, мы вам — чувство великой державы и «тысячелетнюю историю» (выражение Владимира Путина)²¹.

Один из важных элементов этого поддерживающего систему безразличия — отношение к Владимиру Путину уже не как к символу (поддержка символа — это рейтинг одобрения деятельности), а как к человеку и управленцу. Самая частая его оценка — «не могу сказать о нем ничего плохого» (31 % в июле 2016-го)²². Вот и весь секрет...

Социальная база поддержки режима и его лидера — расплывчата, неопределенна, неустойчива, подвижна. Можно предположить, что среди тех, кто «не может сказать ничего плохого», — зависящие от государства люди, степень активности и самостоятельности которых невелика. Вклад государства и государственных компаний в ВВП России, по оценкам Федеральной антимонопольной службы (ФАС), — 70 %²³. И государство если не главный, то самый желанный работодатель — особенно в ситуации, когда пространства для частной инициативы либо нет, либо все сферы зарегулированы так, что издержки от инициирования собственного дела превышают возможные выгоды.

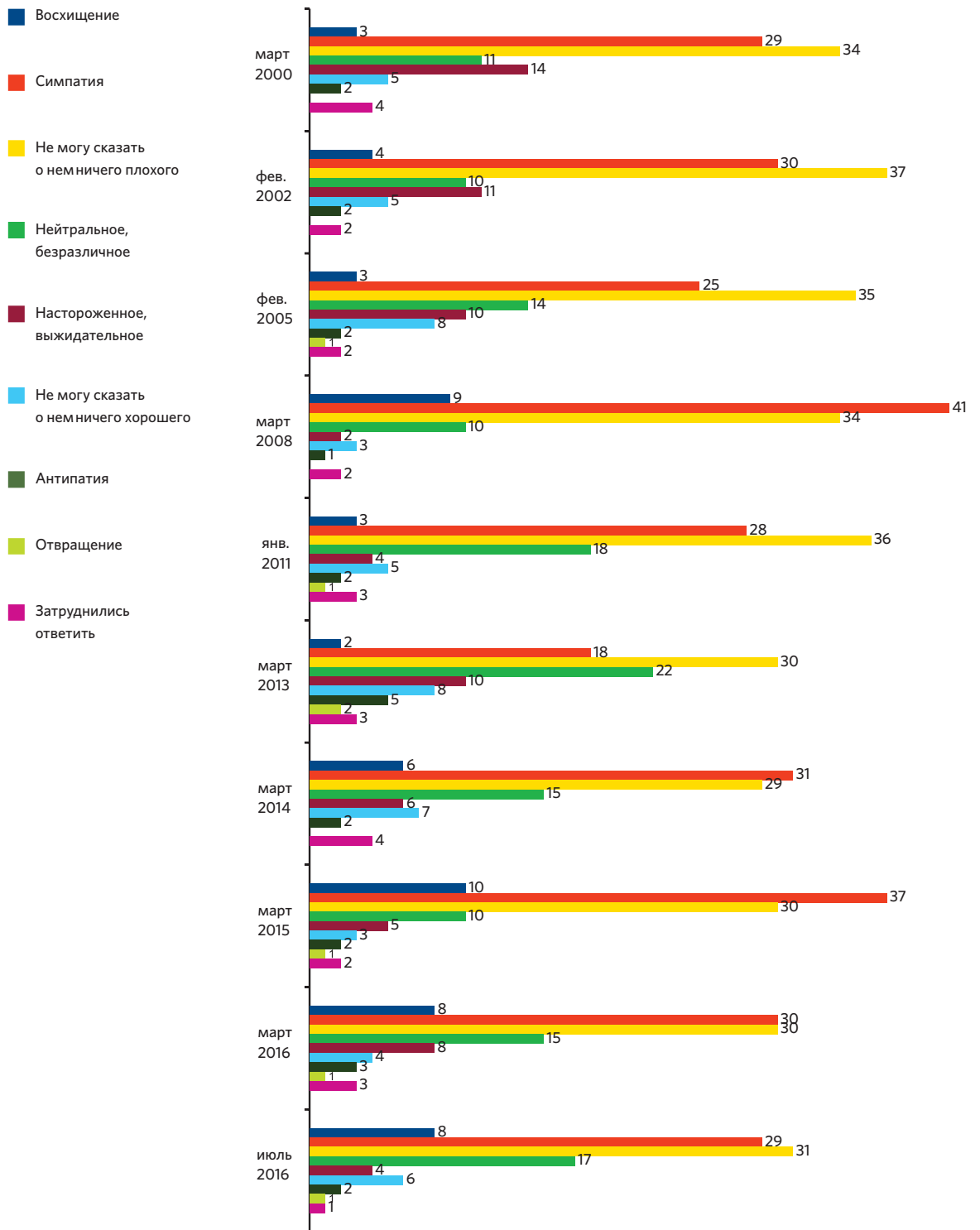
Можно высказать гипотезу: нынешний российский политический режим поддерживают не собственники и (или) самозанятые люди, а наемные работники, бюджетники — те, чье благосостояние зависит от государства или окологосударственных структур. Тогда на выходе мы имеем при 70-процентном присутствии государства 80-процентное одобрение символа России — бренда «Путин».

Менять или не менять

Понятно, почему власти без конца твердят мантры о единстве народа и его консолидации вокруг неопределенного набора патриотических ценностей. Если люди считают, что они едины и консолидированы, причем даже в ситуации, когда они недовольны качеством управления в стране, сохраняется инерционная стабильность — и это основание для властей не применять массовые репрессии в отношении недовольных, а ограничиваться точечными репрессиями и массивной пропагандой с эпизодической имитацией «либерализации» (самый яркий пример — назначение на пост куратора внутренней политики в администрации президента экс-премьер-министра Сергея Кириенко, имеющего репутацию либерала). «Если репрессии слишком дорогостоящи, элита предпочтет купить граждан обещаниями в области мер государственной политики, например в перераспределении доходов», — пишут Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон²⁴. И одновременно власть прикладывает колоссальные усилия в сфере пропаганды и цензуры²⁵.

А если перераспределять уже нечего? Аджемоглу и Робинсон делают такой вывод: «Большее неравенство делает перераспределение более до-

Рис. 1. Отношение к Владимиру Путину

Примечание: Опрос проведен 22–25 июля 2016 года по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны. Исследование проводится на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных.

Источник: «Левада-центр».

рогостоящим для элит и репрессии более привлекательными по сравнению как с демократизацией, так и с обещанием перераспределения при прочих равных условиях. Это увеличивает готовность элит применить репрессии, даже если они влекут за собой большие издержки»²⁶.

Власть не очень хотела бы расширять ареал применения насилия и готова ограничиться моделью, в которой сочетаются точечные репрессии и пропаганда/цензура/самоцензура. Что соответствует общему настрою руководства страны — ничего не менять, продолжать более или менее инерционное развитие.

При этом страх перемен сильнее страха перед возможными последствиями стагнации. И в такой ситуации системные реформы, прежде всего трансформация или воссоздание институтов, невозможны — разве что автократическая верхушка согласится на небольшие технократические усовершенствования, например в сфере стимулирования технологий и новых управленческих практик. К тому же, если не меняется вся регулятивная среда, не обновляются подходы и ценности, не работают институты и правила, которые должны облегчать жизнь обычным гражданам, а не чиновникам или представителям истеблишмента, новые институты «почти наверняка будут работать куда хуже тех институтов, которые они замещают»²⁷. И это тоже не способствует появлению у власти желания что-то менять.

Она сама не верит в успех перемен.

Капитализм охранников

Все это — «рамка» для президентских выборов 2018 года. Владимир Путин идет на эти выборы, проводит их в конституционные сроки, побеждает. Вопрос: с чем он идет на выборы? С кем? Как он будет отвечать неопределенным и расплывчатым ожиданиям избирателей? Или он сформирует их сам? Какими станут эти выборы: хотя бы с минимальной конкуренцией идей и людей — или они окажутся похожи на референдум о доверии лидеру или на социологический опрос об одобрении деятельности первого лица?

2016 год был отмечен несколькими знаковыми назначениями: губернаторами Тульской, Ярославской, Калининградской областей стали соответственно Алексей Дюмин, Дмитрий Миронов, Евгений Зиничев (который, впрочем, вскоре сам отказался от должности), все — выходцы из Службы безопасности президента. Главой администрации президента был назначен шеф протокола главы государства Антон Вайно, а замом руководителя администрации, ответственным за политическую сферу, — бывший премьер, а затем глава «Росатома» Сергей Кириенко. Вячеслав Володин переместился в кресло спикера Госдумы.

На этом кадровые перемены не закончились. Экс-министру финансов Алексею Кудрину был дан карт-бланш на разработку если не программы

реформ, то «дорожной карты» некоторых изменений в экономической, социальной и управленческих системах после 2018 года.

Большое политическое значение имели аресты нескольких губернаторов, в том числе либерала Никиты Белых, нескольких топ-менеджеров крупных компаний, отстранение от должностей главы таможни Андрея Бельянинова и руководителя администрации президента Сергея Иванова. Самым знаковым из всех знаковых кадровых перемещений оказалась отставка вместе с арестом и обвинениями в коррупции министра экономического развития Алексея Улюкаева. Невозможно было не заметить нарочито активное вовлечение Игоря Сечина в важнейшие бизнес- и государственные процессы — судя по всему, ему дозволено больше, чем какому-либо другому представителю «ближнего круга».

В 2017 году продолжилась интенсивная ротация губернаторского корпуса.

Из всего этого можно сделать несколько выводов:

1. Президент решил делать ставку не столько на своих друзей-сгоніе, сколько на более дистанцированных от него технократов и выходцев из спецслужб, — таковы сегодняшние представления главы государства об управленческой эффективности и одновременно уменьшении коррумпированности.

Состав условного «ближнего круга» меняется, и в «узкий кабинет» Путина теперь входят в основном те, кто не может сказать президенту «ты» и уж тем более всерьез спорить с ним. Одновременно Путин стимулирует карьерные амбиции новых назначенцев — своих младших партнеров: по сути дела, между ними началась «гонка» за послевыборные высокие назначения²⁸.

Президент формирует команду-2018, тестирует эффективность новых назначенцев, некоторые из них могут стать претендентами, например, на пост премьер-министра. Впрочем, при сохраняющемся инерционном развитии от Дмитрия Медведева вовсе не обязательно избавляться: по сути дела, он выполняет роль технического премьера, формальное руководство партией «Единая Россия» поддерживает его политический вес, как и периодические появления на публике вдвоем с Путиным — эта политическая «чета» словно бы возвращается время от времени в эпоху своего «медового месяца», во времена тандема 2008–2012 годов.

Точно так же рано списывать с корабля «Россия» и некоторых других представителей старой команды, этого, так сказать, *ancien regime*. Больше того, влияние, например, Игоря Сечина, бывшего главы секретариата Путина, которому было доверено управление одним из «параллельных бюджетов» или «запасных кошельков» режима — компанией «Роснефть», явным образом выросло. Или просто на фоне масштабнейших квазиприватизационных сделок «Роснефти» и торпедирования Улюкаева оно стало слишком заметным. Возникло впечатление, что ро-

дился новый дуумвират Путин — Сечин, — это укладывается в логику высокой степени доверия президента тем, кто его охраняет, носит портфели или открывает ему двери.

На смену «капитализму друзей» идет «капитализм охранников».

2. При всей коррумпированности и всем непотизме сложившегося к 2017 году политического режима прямой интерес Путина — и управленческий, и экономический, и пиаровский — снизить степень демонстративности богатства и чрезмерной коррупции в элитах. Хотя бы для того, чтобы не раздражать народ на фоне экономического кризиса и не дискредитировать президента. В то же время чересчур популистские способы борьбы с коррупцией не одобряются — Путин оказался недоволен тем, что обыск у главы таможни Бельянинова был публичным, а в прессу попали фрагменты следственных действий и потрясающие по безвкусице интерьеры особняка теперь уже бывшего представителя «ближнего круга» и *сème de la сème* спецслужбистских элит. Достаточно и вполне внятных посланий элитам в виде арестов. Расшифровываются эти послания просто: никто — от губернатора до министра — не может чувствовать себя в безопасности; все должны знать меру. В конце концов, в преддверии выборов президента элиты никак не могут вести себя вызывающе.
3. С именем Алексея Кудрина связывают надежды на артикуляцию и реализацию программы реформ. Эта стратегия формулируется в рамках авторитарной модернизации. Но предыдущие попытки — программа Грефа — 2000, программы Института современного развития (ИНСОР) — 2008–2012, Стратегия-2020 — или провалились, или не были реализованы, или исполнялись с точностью до наоборот.

У такой стратегии может быть только один заказчик — Путин. И только от него зависит выбор конкретных мер из широкого меню предлагаемых решений. Проблема состоит в том, что, во-первых, сам президент должен воспринимать реформы как «родные» и рациональные, не затрагивающие политическую основу основ системы, иначе они не будут реализованы, и, во-вторых, имплементация стратегии должна быть комплексной. Например, неререформированная система государственного управления способна остановить любые начинания. В этом смысле реформа государственного управления — одновременно и цель, и инструмент программы модернизации. Но для импотентной, инерционной, с отсутствующей политической волей власти, занятой только самосохранением, реализация реформ — менеджерски непосильная задача. Не говоря уже о том, что сами по себе изменения, расширяющие пространство для частной инициативы и снижающие роль государства во всех процессах, сужают кормовую базу государственного капитализма. То есть вполне конкретных людей, которых устраивает действующая политическая и экономическая система.

**Враг президентской кампании — 2018 —
«коллективный Запад», не желающий
меняться, несмотря на «брекзитизацию».**

Чтобы усилить мотивацию к реформам, пусть и ограниченным лишь несколькими сферами, заказчик стратегии мог бы назначить того же Кудрина премьер-министром. Но для этого он должен быть уверен в том, что стратегия устраивает лично его, президента. Не говоря уже о том, что прежде, чем назначить знакового либерала на столь важный пост, первому лицу пришлось бы преодолеть сопротивление силовых элит и многих персоналий. А в этом смысле автократ, как ни странно, слишком зависим от силового лобби — его самостоятельность ограничена. Поэтому ему проще назначить на пост главы правительства кого-нибудь из своих адъютантов (например, Дюмина) и не морочить головы элитам и гражданам очередным планом авторитарной модернизации.

Причем нереализуемым, потому что российский вариант авторитаризма не предполагает никаких модернизаций. Здесь вам не Сингапур.

Наконец, остается технологический сюжет: как обеспечить высокую явку и высокий результат Путину в 2018 году, если на выборах не будет конкуренции и вообще никакой интриги, если даже концепция осажденной крепости подверглась эрозии из-за того, что главный внешний враг — США — может стать если не другом, то по крайней мере коллегой по установлению новой популистской модели мирового порядка? Это означает, что сильно меняется и внешнеполитический контекст выборов — кто тогда останется или станет внешним врагом? Надо ли будет строить кампанию на переключении на врагов внутренних?

«Кольцо друзей» еще не скоро сменит «кольцо врагов» России, так что проблем с поиском внешних раздражителей не будет. В конце концов, есть НАТО, ЕС и прочие институциональные структуры Запада, которые так и останутся не слишком дружелюбными к России. Соответственно, внешний враг президентской кампании — 2018 — «коллективный Запад», не желающий меняться, несмотря на «брекзитизацию» и «трампизацию». Но прицел может быть наведен и на внутренних врагов. Причем это вовсе не означает, что власть готова к сколько-нибудь реальной интриге на выборах. Да, она будет дискредитировать, например, Алексея Навального, но при этом к выборам он уже не допущен. Система не может пойти даже на небольшие риски, не говоря уже о том, что с точки зрения политтехнологии было бы неправильным увеличивать узнаваемость Навального в федеральном масштабе за счет предвыборной борьбы с кандидатом власти.

Так что технология может быть только одна: повторение с некоторыми ситуативными поправками сценария «тестовых» для системы парламентских выборов — 2016 — накачка явки за счет слабо контролируемых ЦИКом отдаленных территорий и Северного Кавказа. А явка будет означать голосование за Путина в жанре референдума о доверии, потому

что лидеры ЛДПР, КПРФ, «Справедливой России» — имитационные конкуренты. Больше того, если на парламентских выборах те же партии играли роль отделений партии власти в широком понимании («Единая Россия» плюс три партии квазиоппозиции), то и на президентских выборах Жириновский, Зюганов, кандидат от «Справедливой России» скорее окажутся тремя запасными «масками» Путина, притом что, вообще говоря, он в них не очень нуждается — только для имитации конкуренции.

Демократический же электорат будет расколот так же, как и прежде, а значит, Григорий Явлинский соберет лишь часть голосов противников режима. Протестный электорат на президентских выборах — 2018 будет представлен еще в меньшей степени, чем на парламентских выборах — 2016.

Путин: 2018-2024

Выборы — это всегда ожидания избирателей. Но поскольку выборы-2018 все-таки во многом будут напоминать референдум о доверии Путину, всерьез ожидать, что он предложит образ будущего или хотя бы стратегическую программу, не стоит. Весь спрос на Путина-2018 выражен, деликатно формулируя, лоялистской фразой актера Василия Ливанова при получении им от Путина ордена: «Недавно, будучи в Челябинске, вы всех нас взволновали тем, что высказали свои мысли о том, что вам, может быть, и не стоит дальше продолжать деятельность президента. Знаете что, Владимир Владимирович, если вы когда-нибудь внимательно поднимете глаза к небу, то услышите голос: „Даже и не думай“. И это будет голос нашей с вами великой Родины — России»²⁹.

На парламентских выборах — 2016 партия «Единая Россия» (ЕР), с которой Путин поделился своей харизмой, публично ее поддерживая, получила 54,20 % голосов при явке избирателей в 47,88 %. Задача, которую власть ставит сама перед собой, — 70/70: семьдесят процентов за Путина при семидесятипроцентной явке³⁰. И это притом, что на президентских выборах 2012 года явка составила 65,34 %, а отдали голоса за главного кандидата 63,60 %.

Как говорилось в культовом советском фильме «Кавказская пленница», «вы даете нереальные планы». Доктрина 70/70 отражает наркотическую зависимость власти от рейтингов и победных результатов и страх потерять легитимность. Или ощущение легитимности, которого можно достичь как раз за счет высоких социологических показателей одобрения деятельности.

Словом, вместо программы действий страна обретает программу 70/70.

И тем не менее: хоть что-то должен же новый старый президент предложить гражданам. Как мы уже отметили, презумпция стратегического

мышления первых лиц не оправдала себя уже трижды — при подготовке программ авторитарно-технократической модернизации в 2000, 2008, 2011 годах, когда стратегии писались сначала под первый срок Путина, потом под первый срок Медведева, затем — под третий срок Путина. Несмотря на то что в них не затрагивались основы системы, с реализацией этих программ были явные проблемы. И даже если что-то реализовывалось, потом все разворачивалось в обратную сторону, как это было, например, с демонтажем пенсионной реформы, профанацией административной реформы или с устранением барьеров для бизнеса, — предпринимательская среда и инвестиционный климат за годы правления этой власти резко ухудшились.

Если первое лицо и готово на что-то пойти, то исключительно на отдельные, выдернутые из комплекса мер шаги, реализация которых без изменения среды для бизнеса, появления пространства для инициативы и четких гарантий неприкосновенности частной собственности едва ли поменяет характер режима и вектор развития России — вялый, инерционный, госкапиталистический. Это необязательно должно обернуться обвалом системы, но означает продолжение стагнации в экономике, депрессии в настроениях, застоя в политике.

В 2021 году, к новым парламентским выборам, придется обновить модель политической системы: четырехпартийная модель естественным образом начнет изживать себя, потому что сойдут со сцены лидеры всех трех партий, имитировавших долгие годы оппозицию, а «Единая Россия» тоже должна будет хотя бы изобразить как минимум обновление самой себя.

Но базовая проблема как раз не в этом, а в том, что в первые годы четвертого срока произойдет эрозия, например систем социальной защиты, возможны кризис бюджетной системы и рынка труда, снижение качества человеческого капитала, продолжение деинституционализации и деградации государственных сервисов, судебной и правоохранительных систем³¹.

Мы можем назвать эти риски «ловушкой-2021», потому что как раз к середине последнего (согласно действующей Конституции) срока президента ему предстоит определиться и с моделью преемственности власти, и с вариантами ответов на социально-экономические вызовы и институциональную недостаточность.

Институциональное проклятие опаснее сырьевого: Путин остается единственным действующим институтом, но пределы ручного управления ограничены, там, куда объективно не дотягивается его рука, возникает огромное число «мини-Путиных» районного и регионального масштаба. Что в отсутствие действующих институтов и четко определенных правил чревато произволом силовиков и спецслужб, увеличением возможностей для принятия произвольных управленческих решений, все более частыми и ненаказуемыми нарушениями прав граждан.

В этом смысле вопрос «Уйдет ли Путин в 2024 году?» не столь важен по сравнению с вопросом «Закончит ли существование система Путина?». Важные подвопросы: начнется ли транзит от этой системы к демократической, контрэтатистской модели уже во время президентского срока 2018–2024 годов или придется ждать ухода политического деятеля, который к этому моменту процарствует почти четверть века, если не больше? Каким может быть новый социальный контракт, который придет на смену общественному договору «Отказ от вовлечения в политику в обмен на чувство великой державы, Крым и „тысячелетнюю историю“»?

Пока все говорит в пользу того, что «два тела короля» неразделимы, адаптационные возможности российских граждан велики, а степень цинизма и верноподданности российских элит не поддается измерению. Значит, система будет сопротивляться переменам, видя в них и в проявлениях недовольства посягательство на стабильность политической конструкции. Да, система, не способная развиваться, даже в подмороженном состоянии начинает гнить. Однако эрозия — процесс неопределенно долгий. Хотя и она иной раз ведет к внезапному моментальному обвалу.

Примечания

- 1 Феномен политического православия (православный фундаментализм и национализм), сыгравший огромную роль в становлении идеологических основ режима Владимира Путина, исследован в работе: *Верховский А.* Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 годов. — М.: Центр «Сова», 2003.
- 2 Дарон Аджемоглу в одной из недавних статей называет такой тип правления *personal rule* и ставит рядом с Путиным Уго Чавеса, Реджепа Эрдогана и — последнее «приобретение» — Дональда Трампа. (См.: *Agemoglu D.* We Are the Last Defense Against Trump. — *Foreign Policy*. — 18 January, 2017 // <http://foreignpolicy.com/2017/01/18/we-are-the-last-defense-against-trump-institutions/>.) Тем не менее, на наш взгляд, американская система обладает гораздо более сильными институтами, чем деинституционализированная российская, чтобы противостоять персоналистскому типу, точнее, в случае Трампа, стилю правления.
- 3 Пост президента в то время переходил к Дмитрию Медведеву, но тогдашний спикер Госдумы Борис Грызлов придумал идеологему «национальный лидер» и заявил: «Все возможности будут задействованы, чтобы страной продолжил руководить Владимир Путин». Не соврал...
Грызлов Б. Путин остается лидером России. — Российская газета. — 17 октября 2017 года // <https://rg.ru/2007/10/17/grizlov.html>.
- 4 См., например: Иосиф Кобзон: «Путин женат на России». — *Мир 24*. — 14 января 2015 года // <http://mir24.tv/news/society/11908131>.
- 5 *Канторович Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. — М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 315.
- 6 Подробнее об использовании концепции справедливой войны в современной России: *Колесников А.* Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян эпохи осажденной крепости. — Московский Центр Карнеги. — 21 марта 2016 года // <http://carnegie.ru/2016/03/21/ru-pub-63077>.
- 7 *Канторович Э.* Два тела короля. С. 338.
- 8 Володин отождествил Россию и Путина. — *Lenta.ru*. — 22 октября 2014 года // <https://lenta.ru/news/2014/10/22/waldai/>.
- 9 *Канторович Э.* Два тела короля. С. 359.
- 10 *Манов Ф.* В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. — М.: Издательство Института Гайдара, 2014. Иногда для того, чтобы обозначить переход от одного типа политического тела к другому, новая самоутверждающаяся власть символическим образом уничтожает это тело, и тогда происходят, например, казни, как, например, обезглавливание Людовика XVI. При переходе от одного режима к другому возникает ситуация, когда «Молчит Закон — народ молчит» (А. С. Пушкин в оде «Вольность» о казни Людовика).

- 11 В частном разговоре эксперт, ответственный за один из разделов реформ, готовящихся в Центре стратегических разработок, отметил: «Этот режим еще не персоналистский. Он станет персоналистским, если первое лицо очистится от влияния силовиков и спецслужб. И тогда у него есть шанс провести авторитарную модернизацию».
- 12 Власть и общество. — Левада-центр. — 12 декабря 2016 года // <http://www.levada.ru/2016/12/12/vlast-i-obshhestvo/>.
- 13 Манов Ф. В тени королей. С. 14.
- 14 Павловский Г. 2016/TERMINUS! Неопропаганда, эскалация и предел наслаждений Системы РФ. — М.: Европа, 2016. С. 40.
- 15 Там же. С. 42-43.
- 16 Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 160-161.
- 17 Там же. С. 162.
- 18 Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: Прогресс, 1989. С. 135.
- 19 Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года? — М.: Норма, 2016. С. 165.
- 20 Равновесие Нэша // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D0%B8%D0%B5_%D0%9D%D1%8D%D1%88%D0%B0.
- 21 Папченко М., Прокопенко А. Кудрин предложил Путину снизить геополитическую напряженность. — Ведомости. — 30 мая 2016 года // <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/30/642871-kudrin-putinu>.
- 22 Владимир Путин: восприятие и доверие. — Левада-центр. — 8 августа 2016 года // <http://www.levada.ru/2016/08/08/vladimir-putin-vospriyatie-i-doverie/>.
- 23 Мереминская Е. Государство и госкомпании контролируют 70 % российской экономики. — Ведомости. — 29 сентября 2016 года // <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki>.
ФАС оценивает ситуацию так: «Государственно-монополистические тенденции в развитии экономики России проявляются в увеличении доли государства в экономике. Эта тенденция приводит к усилению роли монополий в экономике, усложняет конкурентную политику, усиливает монополистические тенденции в неконтролируемом государством экономическом пространстве» (Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2015 год. — Федеральная антимонопольная служба. — 26 октября 2016 года // <http://fas.gov.ru/about/list-of-reports/report.html?id=1685>).
- 24 Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. — М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 13.
- 25 Guriev S., Treisman D. How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of the New Authoritarianism. — NBER Working Paper № 21136. — April, 2015 // <http://www.nber.org/papers/w21136.pdf>; Guriev S., Treisman D. What makes Governments Popular? — CEPR Discussion Paper № DP11460. — August 30, 2016 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2831963#.
- 26 Асемоглу Д., Робинсон Дж. А. Экономические истоки диктатуры и демократии. С. 252.
- 27 Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Издательство Института Гайдара, 2011. С. 438.

- 28 *Kolesnikov A.* All the President's Eunuchs. — Project Syndicate. — September 1, 2016 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/putin-purges-old-guard-loyalists-by-andrei-kolesnikov-2016-09?barrier=accessreg>.
- 29 Вручение государственных наград. — Президент России. — 26 января 2017 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/53778>.
- 30 *Галимова Н.* В Кремле обсудили получение 70 % голосов за своего кандидата на выборах. — РБК. — 26 декабря 2016 года // <http://www.rbc.ru/politics/26/12/2016/58600eff9a794781b168ac26>.
- 31 Результаты некоторых диагностических семинаров Центра стратегических разработок и, соответственно, оценки рисков можно посмотреть здесь: <http://csr.ru/>.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРА КАРНЕГИ

В ОЖИДАНИИ ЧЕТВЕРТОГО СРОКА
Российский политический режим за год до выборов

Андрей Колесников

Редактура и корректура *бюро ТХТ (www.txtburo.com)*

Дизайнер русскоязычной версии *Я. Красновский*

Компьютерная верстка *Ю. Мосягин*

Фото на обложку: *ТАСС/Владимир Астапкович.*

«Милицейское оцепление на Манежной площади»

Формат 60x90 1/8. Печать цифровая. Бумага офсетная.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Усл. печ. л. 4

Тираж 200 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16 стр. 1

Тел.: + 7 495 935-89-04

Факс: + 7 495 935-89-06

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru